ВЕРЮ В ПОБЕДУ РАЗУМА

Господину Анатолу Царану, директору Института истории Национальной академии наук Республики Молдова от Бабилунги Николая Вадимовича, заведующего сектором по изучению незаконных репрессий в Молдавии советского периода.

ЗАЯВЛЕНИЕ

„Перестройка", в настоящее время осуществляемая в нашей исторической науке, все больше приобретает характер лысенковщины. Вместо очищения от чуждых наслоений и заскорузлых догм, вместо истинной позитивной перестройки, совершается беспощадное разрушение целых школ и направлений, основанных на научной концепции исторического процесса в Молдавии. Той самой концепции, которая создавалась и разрабатывалась несколькими поколениями исследователей в течение многих десятилетий.

Ныне объективная истина вновь приносится в жертву сомнительным политическим мифам определенных кругов, стоящих у власти. Исторической науке снова отводится унизительная роль иллюстратора очередных примитивных идеологизированных схем, антинаучных по своей сути и форме.

Увольнение „неблагонадежных" исследователей и подбор кадров по степени их лояльности к существующему политическому режиму, по их готовности выполнять любой заказ руководства ясно указывают на возврат старой политики искоренения инакомыслия и запрета на профессии. Стандартные ярлыки брежневской эпохи — „политическая незрелость", „обывательские разговоры" и проч. — заменяются новыми (например, „антинациональные псевдонаучные идеи"), сущность же политики остается прежней: запрет на научные исследования по политическим мотивам. К ним стали присовокуплять и мотивы лингвистического характера.

Считая невозможным в таких условиях работать в системе Академии наук республики и не желая разделять даже косвенно ответственность за разгром исторической науки в Молдавии, я отказываюсь участвовать в объявленном вами конкурсе и прошу уволить на „общих" основаниях в связи с так называемой реорганизацией.

Н. БАБИЛУНГА,
кандидат исторических наук.

Не правда ли, — интересный документ эпохи гласности и перестройки?! С разрешения автора мы публикуем его, потому что он помогает лучше понять противоречивость переживаемого нами времени.

Самого автора, думается, можно не представлять. Н.В. Бабилунга — исследователь и публицист. Автор книг „Промышленность Бессарабии в конце XIX — начале XX вв. Очерк капиталистической эволюции", „Барометр показывает бурю", „По историческим местам Молдавии", „Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация?", а также школьного учебника „Страницы истории Молдавской ССР", ряда сценариев документальных кинофильмов и множества других научно-исследовательских, популярных, публицистических произведений. Читателям „Днестровки" хорошо известно это имя. Н.В. Бабилунга — сопредседатель Кишиневского общества „Мемориал" и вице-президент Тираспольского общества „Отечество", искренний друг нашей республики, принципиальный противник насилия, экстремизма, национализма и произвола. Корр. А. Акимов попросил его прокомментировать опубликованное выше заявление.

Н.Б. — Я думаю, что увольнение целой группы способных исследователей из стен института истории Национальной академии — А.В. Хейстер, П.М. Шорников, Б.Г. Бомешко и др. — явление, можно сказать, нормальное, то есть объяснимое и в общем-то закономерное. Правящий режим твердо взял курс на претворение в жизнь (если выражаться старомодным языком) исторических решений П съезда НФМ об объединении Молдавии с Румынией. Для успешного решения этих „предначертаний" молдавский народ в сжатые сроки должен быть идеологически и психологически подготовлен к этому акту, к повторению 1918 года. Ведь господа фронтисты, почти сплошь гуманитарии, не могут не учитывать возможность повторения и Бендерского, Хотинского, Татарбунарского восстаний, и возможности развертывания массовой освободительной борьбы, в том числе и вооруженной, на „осчастливленной" ими территории, что, при явной слабости карательных органов и всеобщем социальном напряжении сразу положит конец этой политике. Вот почему истории отводится чрезвычайно важная роль в морально-психологической обработке общественного мнения. И вот почему безжалостно изгоняются все те историки, на которых режим не может положиться вполне, не говоря уж о тех, кого трудно запугать или купить.

Все ясно и логично. Но меня в данном случае занимает другое. Это — парадокс и, если хотите, — трагический парадокс перестройки, выявляемый в полной мере на таком факте. Посмотрите: — увольняют, скажем, не самых худших ученых (не сочтите за нескромность; речь не обо мне, а об явлении), главным образом тех, кто глубоко и добросовестно копал, кто работал в полную силу и добился успеха. Ради того, чтобы освободить таких людей от всех пут и оков, чтобы раскрепостить их инициативу, заинтересовать в результатах своего труда, перестройка в общем-то и начиналась. Что же в результате? Именно они и не у дел.

А кто же в руководстве, кто нынче на коне? Заслуженные конъюнктурщики! Те, кто еще недавно самозабвенно восхвалял героические свершения народа под мудрым руководством партии, кто воспевал советский образ жизни, преимущества колхозно-совхозного строя и социалистической демократии, руководящую роль партии в процессе упрочения развитого социализма... и кто сейчас громче всех обвиняет во всех бедах идеи социализма, марксизм-ленинизм, интернационализм и все ту же партию, кто требует суда над партией и сделал ныне антикоммунизм своей новой профессией, специальностью.

Они были удобны прошлым режимам, они удобны и нынешнему. Вы понимаете, как это страшно? Каждый из них не представляет из себя ничего интересного, ничего примечательного: обыкновенный обыватель-карьерист с куриными мозгами, стальными локтями, великолепным нюхом и змеиной гибкостью. Это лично. Но все вместе, как социальный слой непрофессионалов, могущественный слой лжеспециалистов, они представляют собой страшное несчастье для страны, для народа. Когда-то Чернышевский сказал: „Жалкая нация, нация рабов; сверху донизу все рабы". Думаю, это сказано не о русских вообще, а именно о том социальном слое, который составляют рабские натуры в любой национальности.

Я хотел бы ошибиться, но вижу главную опасность для дела свободы в этой когорте послушных энтузиастов идеи. Как они доводили до абсурда все, к чему ни прикасались ранее, так они действуют и сейчас. Создают государственный аппарат, органы подавления, административно-тоталитарную систему, и все это — ради и во имя „блага народа", „демократизации", „национального возрождения". Еще придет время, когда черные воронки будут увозить в ночь „противников перестройки", а „враги нации" заполнят до краев старые и новые тюрьмы и концлагеря. Уверяю вас, это не кошмарные фантазии в стиле теат-

(Окончание на 2—3-й стр.).

ВЕРЮ В ПОБЕДУ

(Окончание. Нач. на 1-й стр.).

ра абсурда, а наша сегодняшняя и завтрашняя действительность. Почитайте кишиневские фронтистские газеты, почитайте румынские газеты с одами маршалу Антонеску, и вы убедитесь, что здесь нет большого преувеличения.

А.А. – В Вашем заявлении речь идет о замене стандартных ярлыков брежневской эпохи новыми формулировками. У Вас есть горький опыт в этом отношении?

Н.Б. – О да, у меня богатый опыт. Именно в „политической незрелости" обвиняли меня и несколько моих товарищей во времена, когда застой и маразм пышно агонизировали. Затем я был даже уволен с работы, отстранен от исследований и занялся на свой страх и риск популяризаторством науки. Но дело не в этом.

Люди, которые „отстукивали" в компетентные, так сказать, органы „о политической незрелости", а затем на партийных собраниях громогласно требовали вырвать с корнем крамолу, выжечь ее каленым железом, теперь, конечно же, быстренько перестроились, понадежнее запрятали свои партийные билеты и убеждения, сегодня делают карьеру на почве „деполитизации", „департизации" и прочего. И если раньше я для них был недостаточно партиен, то теперь недостаточно антипартиен. А все мое преступление состоит, видимо, в том, что я не пел и не пою в хоре, вместе со всеми, вместе с ними. Раньше интересовался идеями Сахарова, читал Солженицына, осуждал вторжение в Чехословакию и Афганистан, посмеивался над нашим горячо любимым бровеносцем, а сейчас отвергаю бредовые „концепции" о формировании единой румынской нации в первом тысячелетии новой эры, не признаю приоритета прав нации над правами человека и „коренной" нации над прочими, выступаю против авторитарного режима „национал-демократической" бюрократии. Какой ужас!

В одном журнале меня назвали Николаем третьим, душителем молдавского возрождения. В другом издании меня включают в черный список людей, которых следует немедленно изгнать из академии, ибо без такого изгнания невозможно „возрождение бессарабских румын". В третьем... В четвертом... А меня все эти булавочные уколы не раздражают. Пожалуй, смешат. Вот будет весело, когда в один прекрасный день по-настоящему откроются тайные архивы и весь честной народ сможет прочесть доносы, которые совсем недавно строчили многие местные „прорабы перестройки", радикальные ниспровергатели „коммунистических идеалов", любимцы толпы, борцы за безграничный суверенитет против „коммунистической империи". Ныне идеологи и вожди, а в недавнем прошлом – вульгарные осведомители, субъекты, измученные комплексом неполноценности, снедаемые страхом, завистью и злобой. И ведь не зря же в Новом завете, в этом кладезе древней мудрости, записано: „От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься". И каждый, кто берет в руки чистый лист бумаги и перо, должен вспомнить предупреждение мессира Воланда – „Рукописи не горят!"

А.А. – Вы, Николай Вадимович, в своем заявлении сравниваете перестройку в нашей исторической науке с лысенковщиной. Что именно Вы имеете в виду?

Н.Б. – Прежде всего то, что перестройка и разгром – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Перестройка в истории абсолютно необходима. Я часто выступал задолго до ее начала против того, что мы превращаем историю в пособие для иллюстрации каких-то постулатов истмата. А история должна быть живой, со всеми ее противоречиями, коллизиями, заблуждениями, взлетами и падениями. И не каких-то там „господствующих классов" или безликих „трудящихся", а конкретных и реальных людей, которые жили и творили в свое время, достигая определенных целей, вольно или невольно прокладывая истории именно этот путь, а не иной. Я предлагал подготовить специальное издание – энциклопедию персонажей молдавской истории, в которой бы нашла отражение вся гамма чувств и интересов „действующих лиц и исполнителей" из нашего прошлого, всех, кто сыграл в нем какую-то свою роль. Это воспринималось многими с подозрением. Не собираюсь ли я подложить мину под основу основ? И вообще – на чью мельницу я лью воду? При обсуждении рукописи „Барометра..." один маститый ученый сказал, что за одну страницу такой книги в его время партбилет клали на стол. А о двух страницах ему страшно и подумать... А ведь это уже шел 1987 год!

Перестройка поначалу в истории двигалась медленно, со скрипом и скрежетом, как ржавая вагонетка. И вдруг, в конце 80-х годов, будто по чьей-то команде, страницы всей прессы заполнились невежественной стряпней и какой-то безграмотной антинаучной мешаниной всякой всячины. Стали говорить, что молдавского языка не существует, что нет и молдавского народа, а потому не было и нет молдавской истории, что есть лишь непрерывная история в каком-то румынском пространстве. Волна невежества и сознательных фальсификаций достигла апогея в период „обсуждения" проблемы триколора. Казалось, что остановить этот поток уже невозможно. Не давали не только слушать аргументы против, но и говорить их. Наука как таковая стала ненужной. Ее перестройка закончилась, так в принципе и не начавшись. Подавление и грубое насилие над своими оппонентами в науке – это и есть лысенковщина. Мое поколение, наконец, увидело ее воочию.

Объективные исследования, которые базировались на солидной фактологической основе и не вписывались в навязываемую обществу примитивную схему, просто перестали издавать. Любое слово, свободное от цензуры, стало пресекаться. Началось вытеснение специалистов из издательств, средств массовой информации. Одни подались в Россию, другие – на Украину, третьи – в Израиль. Те, кто их заменил, зорко следят, чтобы в печать не попало никакой „крамолы", противоречащей новым догмам, установкам НФМ, до удивления примитивным и абсурдным.

Я знаю много отличных исследований по истории Молдавии и Румынии, которые были запрещены для печати в Кишиневе. А запрет на мысли, на идеи, как мы знаем из собственной истории сталинского периода, неминуемо ведет к запрету на их носителей, запрету на людей...

А.А. – И тем не менее сейчас высказывается мысль, что власти в Кишиневе в последнее время стали занимать более осторожную и взвешенную позицию.

РАЗУМА

прекращаются гонения на инакомыслящих, на „мигрантов"...

Н.Б. – Это опасное заблуждение. На днях я прочитал в вашей уважаемой газете что-то в этом роде. Поймите, никаких изменений к лучшему не происходит. Да, действительно, последние несколько месяцев что-то не громят и не жгут неугодные газеты. А за что же, скажите, бить „Молодежь Молдавии", если „сам" Снегур, по его словам, читает ее теперь с удовольствием?! На пользу, видать, пошла воспитательная работа с журналистами вездесущей дамы в тапочках и ее агрессивных помощников с железными кулаками и лбами. Кто-нибудь из них наказан? А из тех, кто громил и избивал работников Молдэнерго? А те, кто бил неугодных народных депутатов? А те, кто зверски убивал Диму Матюшина? А дубоссарские убийцы? А участники бесчинств периода волонтерских рейдов? А вандалы, разрушавшие и осквернявшие памятники в Кишиневе? А бандиты, организовавшие погромы в Кишиневе в октябре прошлого года? Скажите, упал ли хоть один волос с их голов?

Власти их покрывают не случайно, ибо эти необузданные силы должны быть под рукой, могут понадобиться в любой момент. Как там сказано у Салтыкова-Щедрина? – когда раздается клич, из нор выползают те Ивановы, которые сейчас нужны; те Ивановы, которые сейчас не нужны, сидят в норах и дрожат.

Погромы во время референдума 17 марта доказали это наглядно и вне всякого сомнения. Нет более осторожной позиции. Есть окончание одного акта спектакля и начало другого. Население Кишинева деморализовано, запугано, забито. Протесты исключены. Морально-психологический и политический террор принес свои результаты. Интердвижение сошло на нет, оппозиция разбита, и режим действует практически бесконтрольно. Он даже намял бока некоторым своим не в меру бравым поклонникам, которые не поняли маневра с Друком и требовали продолжения политики старыми средствами.

Ситуация меняется, и правящий режим, не имеющий никакого авторитета ни в Союзе, ни на международной сцене, ни у себя дома, пытается придать себе хоть немного европейского лоска. И мы, мол, тоже демократы, и даже цивилизованные малость: у нас есть Гребенщиков и русских на улицах больше не убиваем. Более того, начинаем планомерное выселение из Кишинева всех русофонов, что всем сердцем откликнулись на наши неназойливые рекомендации: „Чемодан! Вокзал! Россия!" Создали даже целую службу в каком-то департаменте, которая должна заведовать такими переселениями. А чтобы русофонам эта служба медом показалась, постепенно выдавливаем их из всех контор, учреждений, откуда только можно. И заметьте, – почти все это на законном, так сказать, основании. Никакого суда Линча!

Я смогу понять, если эмиссары от Гамсахурдиа (а любовь между Кишиневом и Тбилиси нынче – не разлить водой!) с восхищением оценят эти новшества в политике режима и, может быть, даже по-дружески пожурят за излишнюю мягкость и либерализм в отношении „проклятых оккупантов". Но тираспольчане, неужели они могут строить хоть какие-то иллюзии о смягчении правящего режима в Кишиневе?!

Не попадайте в эти капканы. Впереди еще не один крутой поворот, еще не одного соратника они выбросят за борт, оставив нетронутыми основания своей политики. Думаю, Снегур подпишет Союзный договор или присоединится к нему так или иначе. Скривится, поскрежещет зубами, а присоединится, никуда не денется. Так что же, при этом изменится суть режима? Прекратится деление людей по сортам, на „коренных" и „пришлых"? Воссияют справедливость, разум, свобода?

Нет, нет и нет! Национал-тоталитарная бюрократия отдаст и Снегура на съедение фронту, разгромит и сам фронт, если посчитает это полезным для себя. И все это вовсе не будет означать ее либерализации, готовности поставить превыше всего права личности, права каждого отдельно взятого человека вне зависимости от его национальности, языка, места рождения, партийности и т.д. Обстоятельства меняются, и, я полагаю, Приднестровье должно хорошо подготовиться к защите своей независимости в новых, более сложных и запутанных условиях. А ждать милости от кишиневского режима могут лишь самые наивные или просто нечестные люди.

А.А. – Вы считаете, что Приднестровье сможет защитить свою независимость, отстоять свободу?

Н.Б. – Я глубоко верю в это. И не только я. Помню, как многие люди в самые напряженные периоды переводили к вам в ОСТК свои не такие уж большие сбережения. Каждый номер „Бастующего Тирасполя" или „Днестровской правды" зачитывался до дыр, передавался из рук в руки. Каждое выступление приднестровских депутатов в Кишиневе внимательно, с жадностью ловилось, пересказывалось соседями, друзьями, сослуживцами, знакомыми.

Справедливости ради должен признать, что сейчас настроения во многом уже не те. Надежды мало; наоборот – подавленность, апатия, усталость, безразличие, а то и отчаяние. И все же я верю в победу разума, как это ни трудно сейчас. Нужно прекратить всяческие раздоры между своими, выяснение отношений, пустопорожнюю полемику и двигаться вперед твердым, уверенным шагом. Таково мое мнение.

А.А. – И последний вопрос. Совсем не оригинальный: каковы Ваши планы на будущее?

Н.Б. – Я преподаю в Тираспольском университете историю Молдавии. Вместе с руководством университета мы задумали организовать при этом вузе научно-исследовательскую лабораторию по истории Приднестровского региона. Над этим сейчас работаем. А вообще планы перспективные. Хотим написать фундаментальное исследование „История Приднестровья" в двух томах. Разрабатываем курс лекций „История Молдавии" для студентов вузов, которыми сможет пользоваться и любой учитель. Совместно с обществом „Отечество" и горкомом партии собираемся издавать серию брошюр „Библиотека историка Приднестровья", а также исторический, краеведческий и общественно-политический журнал. Наша история – наше богатство, общий капитал, который принадлежит всем, но не каждый это понимает. А мы хотели бы, чтобы таким капиталом владел каждый житель Приднестровья. И будем думать, как это лучше сделать. Вот и все планы на будущее, если в двух словах.

А.А. – От имени читателей „Днестровской правды" благодарю за беседу и желаю успехов.

А. АКИМОВ.